

МАШЕРОВ: НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ или ИСПОЛНИТЕЛЬ ВОЛИ КРЕМЛЯ?

13 февраля исполнилось 100 лет со дня рождения Петра Машерова. Кем он был для Беларуси — героем или исполнителем воли Кремля? На Радио «Свобода» эту тему обсуждают политологи Сергей Наумчик, Юрий Дракохруст, Виталий Цыганков и ведущая Анна Соусь.

Анна Соусь: — На посту партийного руководителя БССР сменилось много людей: Пономаренко, Патоличев, Мазуров, Киселев, Слюньков, Соколов, Малофеев... Кажется, что никто из них особо не задержался в народной памяти. А почему Машеров остался? Остальных ведь коммунистическая пропаганда тоже воспевала, портреты на демонстрациях носили...

Сергей Наумчик: — Действительно, можно говорить о феномене. Есть три очевидные вещи. Первое: звезда Героя Советского Союза за партизанские подвиги, абсолютно заслуженная. Второе: он был, как считается, удачным руководителем. И третье: его трагическая гибель на это также повлияла.

Я беседовал с некоторыми из тех, кто был не просто близок к нему. Это бывшие секретари ЦК Кузьмин и Аксенов. Я думаю, причина народной памяти как

А с другой стороны, все народные писатели, деятели белорусской культуры того времени имеют дружелюбные и приятные воспоминания о том, как Машеров встречался с ними, как он заботился о них в материальном смысле, помогал, защищал даже. Такой вот дуализм. С одной стороны, влияние белорусского языка уменьшалось во всех сферах жизни, с другой — он всячески поддерживал национальную литературу и культуру, так, как он это понимал.

Анна Соусь: — А в чем еще можно упрекнуть Машерова, кроме языка? Что делает его образ не таким уж и привлекательным? То, что он был циничным коммунистом?

Юрий Дракохруст: — В первую очередь, разумеется, он в чем-то мог отклоняться от генеральной линии партии, но в целом он, безусловно, был проводником политики, которая определялась совсем не им. Причем даже в мелочах. Об этом рассказывают люди, которые тогда служили в аппарате и при Машерове. Почти до перестройки из Москвы диктовали едва ли не каждый шаг. Но он делал лишь полшага, а где-то и четверть шага от советской системы, представителем которой он был.

Если говорить о крупных проектах, которые осуществлялись при нем, это, разумеется, мелиорация. Был такой советский подход: «Теки вода Кубань-реки, куда велят большевики». В Беларуси это был сильнейший удар по экологии, по Полесью, который отзывался очень долго.

Если говорить о Машерове как о герое, то он герой скорее белорусского города, а не деревни. Большие белорусские города развивались именно при Машерове.

Сергей Наумчик: — Я думаю, что он был искренним коммунистом. Возможно, искренним коммунистом быть хуже, чем циничным. Но тут разница была в человеческом плане. Он действительно верил, как мне кажется, в эти идеалы. Циничными коммунистами были те лидеры компартий республик Средней Азии, у которых находили десятки миллионов рублей в золотых слитках. Машеров как раз таким не был.

Безусловно, мы не можем

раз в том, что они считали недостатком Машерова. Оценивая его высоко, они говорили, что он «заигрывал» с народом. Первому секретарю ЦК, как и секретарю обкома или райкома, не было никакой нужды «заигрывать» с народом, так как они вообще никак не зависели от народа, их карьера полностью зависела от начальства, в службе с Машеровым — от Генерального секретаря ЦК КПС. Но при этом Машеров шел к людям, и люди это замечали.

В этом смысле он в какой-то степени был политиком западного типа. Если бы тогда были настоящие выборы, он имел бы большие шансы на победу не потому, что так сказала Москва или ЦК, а потому, что он был готовым политическим лидером с определенным обаянием. Конечно, он был артист, но артистизм для политика — тоже важная вещь.

Безусловно, на сегодняшнее отношение к Машерову существенно повлияла его трагическая гибель, до сих пор, как считают многие, точки в этой исто-

росы имеют к Машерову? На сколько верен этот вывод?

Виталий Цыганков: — Это в стиле Лукашенко, такая немножко непристойная отмазка, кивок в сторону. Но ведь не Машеров, а Лукашенко прекратил белорусизацию в 1995 году, тогда 70–80% школьников ходили в белорусские школы. После референдума, с помощью которого Лукашенко ввел государственность двух языков, началось постепенное уничтожение белорусского языка в системе образования, в СМИ.

И все же, что касается Машерова, в словах Лукашенко есть свой резон. Именно во время правления Машерова, в эти 15 лет, произошло то, что мы называем русификацией общественной жизни Беларуси. Да, это можно связывать с Машеровым. Это был объективный процесс, который происходил во всем Советском Союзе, но, безусловно, Машеров здесь был первым учеником. Если руководители либо партийной элиты в других республиках СССР со-